

Писательница Дина Рубина ВЫПУСТИЛА РОМАН «СИНДИКАТ» — КНИГУ, СПОСОБНУЮ ОБРАДОВАТЬ И АПОЛОГЕТОВ ЕВРЕЙСТВА, И РЪЯНЫХ АНТИСЕМИТОВ

9.07.2004
134
Рубина Дина

Дина Рубина просит не ассоциировать себя с главной героиней «Синдиката»

ВСТРЕЧА

«Чужих обличать — дурной тон»

Юрий ВАСИЛЬЕВ

Автор, ранее уже судимый, решительно отмечает малейшие попятывания кого бы то ни было отождествлять себя с героями этого романа. С такого предупреждения Дина Рубина начинает свой роман-комикс «Синдикат».

Осторожность, похоже, автору не повредит. Книга, написанная во время трехгодичной службы Рубиной в московском филиале «Сохнута», воистину беспощадна и к родной израильской бюрократии, и к российским еврейским функционерам, сделавшим свою национальность профессией. Впрочем, прототипы этих героев — «лишь рисованных фигурок, как это и полагается в комиксе» — весьма искусно спрятаны. Гораздо лучше, чем прототип главной героини — израильтянки Дины, три года проработавшей в Москве на благо организации «Синдикат». Писательница Дина РУБИНА отвечает на вопросы обозревателя «МН».

— «Синдикат» мог бы по аналогии с известным юдофобским трудом Шульгина называться «Что нам в нас не нравится». Вас уже записали в антисемиты?

— Ну, не без этого. Даже одна приятельница нашей семьи, милая пожилая дама и поклонница моих книг, осторожно заметила: «Как-то все же... резковато. Надо ли на миру перетряхивать наше грязное белье?» Я сказала: «Все писатели всех времен и народов только этим и занимались. Просто, читая «Человеческую комедию», мы не задумываемся о том, что это француз писал о французах». А в случае с евреями все обострено — этому есть, конечно, многие причины. Но у меня нет сомнений в том, что соплеменники и Вабеля могли бы обвинить в антисемитизме. При этом мой новый роман не что иное, как вдохновенная песня моему народу. Просто не во всякой песне используются только благозвучные напевы: сильные чувства в музыке вообще часто передаются через диссонанс.

— Где пролегал водораздел между антисемитизмом и критикой евреев?

— Знаете, я бы не называла это критикой. И писатель не прокурор и не судья. Верно, что одно из сильных чувств, движущее им, — чувство горечи и даже отвращения к тому, что он видит вокруг. Честный художник никогда не посмеет затемнить, смикшировать темные стороны явления только потому, что это относится к представите-

лям его народа. Наоборот, как раз тут горечь становится нестерпимой, тут и возникает это «Не могу молчать!». В конце концов, писания пророков, их обличительные воли — одна из прекрасных и гордых страниц еврейской истории. Обличали-то своих, своих, кого же еще?! Чужих обличать — и неинтересно, и дурной тон.

Но мой роман вообще-то, повторяю, апологетический. Ведь я на самом деле персонаж из знаменитого анекдота: филармония, выходит конференсье: «Пятую рапсодию Брамса исполняет сионист Пердюк... Ой, извините: пианист Сердюк!»

— Похоже, вы первый сионист, рискнувший поднять вопрос о спекуляциях на теме Холокоста. Не боитесь, что многие воспримут это если не как кощунство, то как нечто несвоевременное?

— Вы имеете в виду, что как раз сейчас, когда «поднялась очередная волна антисемитизма во всем мире...» и т. д.? Я не верю, что эта волна когда-нибудь спадет или вообще спадала. Не спадет она, эта волна, и нет здесь причин для беспокойства. А времени сказать о том, что мучит, у меня не так много — лишь отрезок обычной человеческой жизни. Давиться словами из опасения несвоевременности? Да так ничего и

не напишешь. Зоценко говорил: «Страх писателя грозит потерей квалификации».

По поводу же кощунства... вот эта бурная чиновная жизнь вокруг одной из самых страшных цивилизационных трагедий человеческой истории и есть кощунство, гешефт на костях. И что с этим делать — не знаю.

— Почему, на ваш взгляд, прилагательное «профессиональный» весьма часто оживляется с существительным «еврей» либо «русский» — особенно когда последний пытается высказаться по еврейскому вопросу?

— Потому что повсюду есть люди, активно трансформирующие национальное чувство в национальную идею. А идея надо служить, в отличие от чувства, которое существует и плодоносит в каждой отдельно взятой личности, не претендуя на трибуну. Вообще, знаете, это обоюдоострая тема. Например, Израиль создан людьми с явно выраженной национальной идеей. И эту идею оправдывают все наши парки, города, больницы, дома для престарелых, дороги, тоннели... Только каторжный труд, вложенный в свою землю, в свой народ, оправдывает национальную идею. А не сто семьдесят семь еврейских организаций, беспрестанно выясняющих отношения.

Но «Синдикат» написан не для высмеивания или обличения той или иной организации, хотя понимаю, что многих читателей, да и моих обвинителей тоже, более всего интересует этот «экшн»: очередные иудейские войны... — А для чего? — Роман, несмотря на множество в нем гротесковых сцен, сатирических типажей, «перевертышей», забавных диалогов, игры, и проч., насквозь трагичен. Я собирала материал к нему несколько лет, делала записи, поначалу думая только о трагедии моей страны — истекающей кровью, задыхающейся под бременем одинокой борьбы с террором... И пока писала, грохало то там, то здесь — в России, во Франции, в Аргентине, еще Бог знает где; затем — небоскребы в Нью-Йорке, «Норд-Ост» в Москве... Расчлененность нашего мира, тотальный страх западной цивилизации перед мускулистым и целеустремленным террором... В общем, там есть еще о чем почитать, кроме как о межъеврейских разборках — хотя, конечно, все действие и происходит на фоне этого пира во время чумы.

— У вас уже был опыт судов с прототипами — о чем указано и в преамбуле к «Синдикату». Ждете ли чего-то подобного сейчас? Книга временами оставляет впечатление, что вы даже рассчитываете на такую реакцию...

— Ожидать и рассчитывать — разные вещи. Писатель может ожидать чего угодно. Но когда он работает над художественным произведением, расчету тут места нет. Страница часто сама диктует те или иные повороты событий, мир вымысла существует по своим законам. И следует помнить, что любая узнаваемая деталь или лицо «работает» в художествен-

ном тексте совсем иначе, чем в действительности. Зрение художника — своего рода особый оптический прибор, не умеющий врать. И если в процессе письма художник пытается откорректировать, отладить, смягчить свою оптику, если он вообще думает о том, какое впечатление произведет на кого бы то ни было его текст, — его ждет высшая мера наказания: художественное бесплодие.

Кроме того, писатель ничего не должен обществу. Он даже не обязан объясняться, на что он рассчитывал и чего ожидал. Для тех же, кто захочет себя увидеть в том или ином персонаже и тем самым предъявить обществу свои ослиные уши, я и написала аккуратное предупреждение.

— Предъявлял ли претензии «Сохнут»?

— Вряд ли «Сохнут» может предъявить ко мне какие бы то ни было претензии. В романе нет ни этого названия, ни даже какого-либо имени, которое можно было бы идентифицировать. Я не штатный фотограф и не летописец «Сохнута». Роман фантазмагоричен, он и объявлен как роман-комикс. Да, писатель подбирает любую яркую деталь, жест, слово, форму уха или носа... Но ведь это технические, цеховые подробности нашей работы. В конце концов, я никому не давала подписки о неразглашении того факта, что некий мой сослуживец Н. задумчиво ковыряет в но-

минуты, когда поставлена точка, автор не ответствен за его жизнь. Музыку Бетховена с удовольствием слушали нацистские палачи; в этом смысле художник всегда беззащитен. А если он с трепетом станет планировать свое творчество, сверяя его с планами и курсом правительств — каких бы то ни было! — ему всю жизнь придется создавать пейзажные зарисовки или «Записки охотника». Да и то неизвестно, как посмотрит на это общество охраны животных.

— Как оцениваете то, что сейчас происходит в России?

— Я уехала из России давно — в девяностом. Это был обдуманный шаг расставания. Сейчас это совершенно иная страна, к которой я уже не имею общественного, гражданского отношения. Приличные люди не высказываются прилюдно о бывших женах или мужьях. Для того, чтобы рассуждать о проблемах страны, надо с нею жить изо дня в день, болеть ее болезнями — тогда появляется право голоса. Со своим отъездом я отказалась от такого права и ни разу об этом не пожалела. Хотя, конечно, над своими снами, мыслями и слезами человек не волен.

— Тем не менее Россия есть в ваших книгах. И ее много. — Так ведь писатель — это Плюшкин, который абсолютно все тащит в свою замызганную котомку. А потом, как фокусник, вытаскивает из нее километры сверкающих шарфов и выпуска-

Для тех, кто захочет предъявить свои ослиные уши, я написала аккуратное предупреждение //

су, когда составляет деловые бумаги.

— В послании к Федеральному собранию президент резко высказался об организациях, живущих на «зарубежные деньги». Ваша книга появилась в то время, когда у многих из них начались проблемы. Что будете делать, если «Синдикат» попытаются поставить «на службу» этой кампании?

— Садясь за письменный стол, я не сверяюсь ни с прогнозами политологов, ни с предсказаниями астрологов. Открою секрет: я даже газет не читаю — ни российских, ни израильских. Разумеется, любое художественное произведение (если, конечно, оно талантливо написано) заключает в себе десятки и более толкований. И с той

ет стаи голубей и попугаев. А потом ждет, чтобы эти попугаи подали на него в суд...

Сейчас — почти через год после окончания моей трехгодичной службы в «Сохнуте», после того, как написан и издан «Синдикат», после года ежедневной двенадцатичасовой работы за письменным столом — я могу сказать, что жизнь опять прекрасна. И я «свободна, свободна, свободна, наконец!». В том числе и от гротеска, от комикса, от боли... Поэтому сейчас, например, работаю над новой книжкой путешествий — «Холодная весна в Провансе». И, в отличие от «Синдиката», это будет совершенно прозрачная — никого не задирющая, любующаяся каждой пташкой, дорогой и церковь — книга.

ДОСЬЕ

Из автобиографии Дины Рубиной: «Родилась в 53-м в Ташкенте, уже после смерти Усатого, в семье художника и учительницы истории. Окончила специальную музыкальную школу при консерватории для одаренных детей. Такая элитная каторга... Затем — консерватория, преподавание в Институте культуры и прочий сор биографии, из которого давно уже выросли повести и рассказы. Первый рассказ был напечатан в журнале «Юность», когда мне исполнилось шестнадцать лет. Читатели меня запомнили, любили, ждали журналов с моими вещицами. Так что страну я покинула уже, в общем, известным писателем. Толстые журналы меня признали издали, из-за границы: наверное, надо было уехать, чтобы пробить плотину «Нового мира», «Знамени», «Дружбы народов». Правда, и писателем в Израиле я стала совсем другим, но это уже другая тема».